

Содержание

Предисловие	3
Глава I. <i>Устои старой власти: вера, царь и отечество</i>	5
Глава II. <i>Состояние старой армии перед революцией</i> .	26
Глава III. <i>Старая армия и государь</i>	43
Глава IV. <i>Революция в Петрограде</i>	53
Глава V. <i>Революция и царская семья</i>	67
Глава VI. <i>Революция и армия. Приказ № 1</i>	80
Глава VII. <i>Впечатления от Петрограда в конце марта 1917 года</i>	98
Глава VIII. <i>Ставка; ее роль и положение</i>	107
Глава IX. <i>Мелочи жизни в Ставке</i>	126
Глава X. <i>Генерал Марков</i>	131
Глава XI. <i>Власть: Дума, Временное правительство, командование, Совет рабочих и солдатских депутатов</i>	143
Глава XII. <i>Власть: борьба за власть большевиков, власть армии, идея диктатуры</i>	161
Глава XIII. <i>Деятельность Временного правительства: внутренняя политика, гражданское управление; город и деревня, аграрный вопрос</i>	177
Глава XIV. <i>Деятельность Временного правительства: продовольствие, промышленность, транспорт и финансы</i>	200
Глава XV. <i>Положение центральных держав к весне 1917 года</i>	223

Глава XVI. <i>Стратегическое положение русского фронта к весне 1917 года</i>	231
Глава XVII. <i>Вопрос о переходе русской армии в наступление</i>	247
Глава XVIII. <i>Военные реформы: генералитет и изгнание старшего командного состава</i>	261
Глава XIX. <i>«Демократизация армии»: управление, служба и быт.</i>	274
Глава XX. <i>«Демократизация армии»: комитеты</i>	284
Глава XXI. <i>«Демократизация армии»: комиссары</i>	306
Глава XXII. <i>«Демократизация армии»: история «декларации прав солдата».</i>	316
Глава XXIII. <i>Печать и пропаганда извне</i>	349
Глава XXIV. <i>Печать и пропаганда изнутри</i>	370
Глава XXV. <i>Состояние армии ко времени июльского наступления</i>	383
Глава XXVI. <i>Офицерские организации</i>	409
Глава XXVII. <i>Революция и казачество</i>	424
Глава XXVIII. <i>Национальные части</i>	440
Глава XXIX. <i>Суррогаты армии: «революционные», женские батальоны и т. д.</i>	453
Глава XXX. <i>Конец мая и начало июня в области военного управления. Уход Гучкова и ген. Алексеева. Мой уход из Ставки. Управление Керенского и генерала Брусилова</i>	461
Глава XXXI. <i>Служба моя в должности главнокомандующего армиями Западного фронта</i>	476
Глава XXXII. <i>Наступление русских армий летом 1917 года. Разгром</i>	491
Глава XXXIII. <i>Совещание в Ставке 16 июля министров и главнокомандующих.</i>	507
Глава XXXIV. <i>Генерал Корнилов</i>	532
Глава XXXV. <i>Служба моя в должности главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. Московское совещание. Падение Риги</i>	546

Глава XXXVI. <i>Корниловское выступление и отзвуки его на Юго-Западном фронте</i>	566
Глава XXXVII. <i>В Бердичевской тюрьме. Переезд «бердичевской» группы арестованных в Быхов . . .</i>	582
Глава XXXVIII. <i>Некоторые итоги первого периода революции</i>	595

Предисловие

В кровавом тумане русской смуты гибнут люди и стираются реальные грани исторических событий.

Поэтому, невзирая на трудность и неполноту работы в беженской обстановке — без архивов, без материалов и без возможности обмена живым словом с участниками событий, я решил издать свои очерки.

В первой книге говорится главным образом о *русской армии*, с которой неразрывно связана моя жизнь. Вопросы политические, социальные, экономические затронуты лишь в той мере, в какой необходимо очертить их влияние на ход борьбы.

Армия в 1917 году сыграла решающую роль в судьбах России. Ее участие в ходе революции, ее жизнь, растление и гибель — должны послужить большим и предостерегающим уроком для новых строителей русской жизни.

И не только в борьбе с нынешними поработителями страны. После свержения большевизма, наряду с огромной работой в области возрождения моральных и материальных сил русского народа, перед последним с небывалой еще в отечественной истории остротой встанет вопрос о сохранении его державного бытия.

Ибо за рубежами русской земли стучат уже заступами могильшики и скалят зубы шакалы в ожидании ее кончины.

Не дождутся. Из крови, грязи, нищеты духовной и физической встанет русский народ в силе и в разуме.

*А. Деникин
Брюссель, 1921 г.*

Глава I

Устои старой власти: вера, царь и отечество

Неизбежный исторический процесс, завершившийся февральской революцией, привел к крушению русской государственности. Но если философы, историки, социологи, изучая течение русской жизни, могли предвидеть грядущие потрясения, никто не ожидал, что народная стихия с такой легкостью и быстротой сметет все те устои, на которых покоилась жизнь: верховную власть и правящие классы — без всякой борьбы ушедшие в сторону; интеллигенцию — одаренную, но слабую, беспочвенную, безвольную, вначале среди беспощадной борьбы сопротивлявшуюся одними словами, потом покорно подставившую шею под нож победителей; наконец — сильную, с огромным историческим прошлым, десятиmillionную армию, развалившуюся в течение 3—4 месяцев.

Последнее явление, впрочем, не было столь неожиданным, имея страшным и предостерегающим прообразом эпилог маньчжурской войны и последующие события в Москве, Кронштадте и Севастополе... Прожив недели две в Харбине в конце ноября

1905 года и проехав по сибирскому пути в течение 31 дня (декабрь 1907 года) через целый ряд «республик» от Харбина до Петрограда, я составил себе ясное понятие о том, что можно ожидать от разнузданной, лишенной сдерживающих начал солдатской черни. И все тогдашние митинги, резолюции, советы и, вообще, все проявления военного бунта — с большей силой, в несравненно более широком масштабе, но с фотографической точностью повторились в 1917 году.

Следует отметить, что возможность столь быстрого психологического перерождения отнюдь не была присуща одной русской армии. Несомненно, усталость от трехлетней войны сыграла во всех этих явлениях не последнюю роль, в той или другой степени коснувшись всех армий мира и сделав их более восприимчивыми к разлагающим влияниям крайних социалистических учений. Осенью 1918 года германские корпуса, оккупировавшие Дон и Малороссию, разложились в одну неделю, повторив до известной степени пройденную нами историю митингов, советов, комитетов, свержения офицерского состава, а в некоторых частях — распродажи военного имущества, лошадей и оружия... Только тогда немцы поняли трагедию русского офицерства. И нашим добровольцам приходилось видеть не раз унижение и горькие слезы немецких офицеров — некогда надменных и бесстрастных.

— Ведь с нами, с русскими, это же самое сделали вы — собственными руками...

— Нет, не мы — наше правительство, — отвечали они.

Зимой 1918 года я, как командующий Добровольческой армией, получил предложение от группы

германских офицеров, желавших поступить в нашу армию рядовыми добровольцами...

Нельзя также объяснить развал психологией неудач и поражения. Брожение армии испытали и победители: во французских войсках, оккупировавших в начале 1918 года Румынию и Одесский район, во французском флоте, плававшем в Черном море, в английских войсках, прибывших в район Константинополя и в Закавказье, и даже в могучем английском флоте в дни его наивысшего нравственного удовлетворения победой, в дни пленения германского флота — было не совсем благополучно. Войска начали выходить из повиновения начальникам, и только быстрая демобилизация и пополнение свежими, отчасти добровольческими элементами, изменили положение.

Каково было состояние русской армии к началу революции?

Испокон века вся военная идеология наша заключалась в известной формуле:

— *За веру, царя и отечество.*

На ней выросли, воспитались и воспитывали других десятки поколений. Но в народную массу, в солдатскую толщу эти понятия достаточно глубоко не проникали.

Религиозность русского народа, установившаяся за ним веками, к началу XX столетия несколько пошатнулась. Как народ-богоносец, народ вселенского душевного склада, великий в своей простоте, правде, смирении, всепрощении — народ поистине *христианский* терял постепенно свой облик, подпадая под власть утробных, материальных интересов, в которых сам ли научался, его ли научали видеть единственную цель и смысл жизни... Как постепенно терялась связь

между народом и его духовными руководителями, в свою очередь оторвавшимися от него и поступившими на службу к правительственной власти, разделяя отчасти ее недуги... Весь этот процесс духовного перерождения русского народа слишком глубок и значителен, чтобы его можно было охватить в рамках этих очерков. Я исхожу лишь из того несомненного факта, что поступавшая в военные ряды молодежь к вопросам веры и церкви относилась довольно равнодушно. Казарма же, отрывая людей от привычных условий быта, от более уравновешенной и устойчивой среды с ее верою и суевериями, не давала взамен духовно-нравственного воспитания. В ней этот вопрос занимал совершенно второстепенное место, заслоняясь всецело заботами и требованиями чисто материального, прикладного порядка. Казарменный режим, где все — и христианская мораль, и религиозные беседы, и исполнение обрядов — имело характер официальный, обязательный, часто принудительный, не мог создать надлежащего настроения. Командовавшие частями знают, как трудно бывало разрешение вопроса даже об исправном посещении церкви.

Война ввела в духовную жизнь воинов два новых элемента: с одной стороны, моральное огрубение и ожесточение, с другой — как будто несколько углубленное чувство веры, навеянное постоянной смертельной опасностью. Оба эти антипода как-то уживались друг с другом, ибо оба исходили из чисто материальных предпосылок.

Я не хочу обвинять огульно православное военное духовенство. Много представителей его проявили подвиги высокой доблести, мужества и самоотвержения. Но надо признать, что духовенству не

удалось вызвать религиозного подъема среди войск. В этом, конечно, оно несколько не виновато, ибо в мировой войне, в которую была вовлечена Россия, играли роль чрезвычайно сложные политические и экономические причины, и не было вовсе места для религиозного экстаза. Но вместе с тем духовенству не удалось создать и более прочную связь с войсками. Если офицерский корпус все же долгое время боролся за свою командную власть и военный авторитет, то голос пастырей с первых же дней революции замолк, и всякое участие их в жизни войск прекратилось¹.

Мне невольно приходит на память один эпизод, весьма характерный для тогдашнего настроения военной среды. Один из полков 4-й стрелковой дивизии искусно, любовно, с большим старанием построил возле позиций походную церковь. Первые недели революции... Демагог-поручик решил, что его рота размещена скверно, а храм — это предрассудок. Поставил самовольно в нем роту, а в алтаре вырыл ровик для...

Я не удивляюсь, что в полку нашелся негодяй-офицер, что начальство было терроризовано и молчало. Но почему 2—3 тысячи русских православных людей, воспитанных в мистических формах культа, равнодушно отнеслись к такому осквернению и поруганию святыни?

Как бы то ни было, в числе моральных элементов, поддерживающих дух русских войск, вера не стала началом, побуждающим их на подвиг или сдерживающим от развития впоследствии звериных инстинктов.

¹ Съезды духовенства в Ставке и в штабах армий не имели никакого реального значения.